

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья

УДК 008.009

DOI: 10.20323/1813-145X-2024-4-139-187

EDN: WKKAGJ

Редукция европейских эстетических идей и ценностей в XX веке (Новейшее время)

Владимир Николаевич Липский

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Академия государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. 129366, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 4
vlzamos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1483-0705>

Аннотация. Статья посвящена анализу ценностно-эстетических изменений, которые произошли в европейской культуре в контексте XX века. На материале теоретико-культурологических источников и практики искусства прослеживается влияние буржуазного способа производства на европейские эстетические и художественные традиции. Анализируется, с одной стороны, место и роль эстетического отношения к миру вплоть до эпохи Возрождения, с другой, показывается, что социальные константы буржуазного общества вызвали к жизни жёсткую рационализацию всех форм бытия людей, тем самым существенным образом деформировав и процессы эстетического отношения к миру. Содержание философско-эстетических и культурологических источников, различных видов искусства (живопись, литература, театр) закономерно детерминируют вывод о том, что следствием установившегося способа производства являются процессы ценностной деэстетизации различных сторон бытия.

Рассматривается ускорение ценностно-эстетической девальвации с возникновением феномена массовой культуры, обращается внимание на объективные факторы, связанные в первую очередь с мелкобуржуазными интересами европейского обывателя, которые обусловили распространение массовой культуры в западном мире. Обращается внимание на то, что в отличие от естественного формирования классического искусства, массовая культура детерминирована коммерческими соображениями, что главным образом и обусловило её ценностную выхолощенность. Отмечается, что важным фактором в вопросе распространения массовой культуры явилась свойственная западному обществу родовая агрессивность, которая во взаимодействии со средствами массовой коммуникации способствовала активному внедрению массовой культуры во все сферы духовного бытия различных стран, в том числе и с традиционной культурой (Азия, Африка, Латинская Америка), осуществляя их насильственное «цивилизирование»

Ещё одним направлением ценностной деформации европейской цивилизации стало применение научно-технических достижений в качестве инструмента мировоззренческого переформатирования личности. Показывается, как использование различного рода технологий способствует осуществлению подмены подлинных ценностей «суррогатом его духовной жизни». В отличие от установок традиционной культуры, чьи ценности не только выдержали проверку временем, но и показали свою нравственно-эстетическую действенность и жизнеспособность, посттрадиционные опираются на почву жёсткой рациональности, демонстрируя свою «способность» создавать алгоритмические «ценности» для высокотехнологичного мира.

Ключевые слова: эстетические ценности; Возрождение; рациональный; буржуазный; культура; цивилизация; искусство; массовая культура

Для цитирования: Липский В. Н. Редукция европейских эстетических идей и ценностей в XX веке (Новейшее время) // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 4 (139). С. 187-195. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-4-139-187>. <https://elibrary.ru/WKKAGJ>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART
(CULTUROLOGY, ART CRITICISM)

Original article

Reduction of European aesthetic ideas and values in the XX century (Modern times)

Vladimir N. Lipsky

Doctor of philosophical sciences, professor, head of department of philosophy, Academy of state fire service of the Ministry of the Russian Federation for civil defense, emergencies and disaster management. 129366, Moscow, Boris Galushkin st., 4
vlazamos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1483-0705>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the value-aesthetic changes that took place in European culture in the context of the XX century. On the material of theoretical and cultural sources and practice of art, the influence of the bourgeois method of production on European aesthetic and artistic traditions can be traced. On the one hand, the place and role of aesthetic attitude to the world up to the Renaissance is analyzed, on the other hand, it is shown that the social constants of bourgeois society brought to life a strict rationalization of all forms of being of people, thereby significantly deforming the processes of aesthetic attitude to the world.

The acceleration of value-aesthetic devaluation with the emergence of the phenomenon of mass culture is considered, attention is drawn to objective factors associated primarily with the petty-bourgeois interests of the European layman, which led to the spread of popular culture in the Western world. Attention is drawn to the fact that, unlike the natural formation of classical art, popular culture is determined by commercial considerations, which mainly determined its value emasculation. It is noted that an important factor in the spread of popular culture was the generic aggressiveness characteristic of Western society, which, in cooperation with the media, contributed to the active introduction of popular culture into all spheres of spiritual life in various countries, including traditional culture (Asia, Africa, Latin America), carrying out their violent «civilization».

Another direction of the value deformation of European civilization was the use of scientific and technical achievements as a tool for worldview reformatting of the personality. It shows how the use of various kinds of technologies contributes to the substitution of genuine values «a surrogate for his spiritual life». Unlike the attitudes of traditional culture, whose values have not only stood the test of time, but also showed their moral and aesthetic effectiveness and vitality, post-traditional ones rely on the soil of rigid rationality, demonstrating their «ability» to create algorithmic «values» for the high-tech world.

Key words: aesthetic values; Revival; rational; bourgeois; culture; civilization; art; popular culture

For citation: Lipsky V. N. Reduction of European aesthetic ideas and values in the XX century (Modern times). *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (4): 187-195. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-4-139-187>. <https://elibrary.ru/WKKAGJ>

Введение

Около двух лет назад в «Ярославском педагогическом вестнике» была опубликована статья «Метаморфозы европейской культурно-эстетической традиции (Новое время)» с намерением написать продолжение, посвящённое анализу этой традиции в последующем периоде, что и сделано в представленной статье, правда, со значительным опозданием по времени. Ещё одно пояснение к статье, которое, целесообразно сделать, – это конкретизировать как, в силу многозначности термина «редукция», он будет использоваться: термин будет употребляться, с

одной стороны, в значении логико-методологического приёма сведения сложного к простому, с другой, в понимании ослабления или утраты функций, присущих организму вплоть до «полного исчезновения органа или ткани», как это понимается в биологии.

Идея эстетического отношения к миру в европейской культурной традиции имеет давние корни, вполне можно предположить, что эта традиция как раз закладывалась в европейской античности, причём, закладывалась таким образом, что через эстетическое отношение к миру рассматривались многие области жизни и деятельности бытия античных греков: «Конечно

греки, как и любой другой народ, не могли жить искусством и поэзией. Но их жизнь, даже самая материальная, легко выражалась в чувственных образах, и эстетическая форма живой наглядности имела существенный характер для всех явлений античной культуры – от экономики до философии. Сравните валютный фонд современного государства с казной афинян. Сорок талантов чистого золота, которым могло распоряжаться правительство Перикла, хранилось в виде драгоценного одеяния статуи Афины-Девы работы Фидия (Фукидид II, 13)... Что касается греческой философии, по крайней мере, у досократиков, то её идеи не столько *ноэмы* отвлечённой мысли, сколько *эстемы* наглядного восприятия... И эта реальная эстетика не была ещё в те времена культурным приложением к жизни. Напротив, она охватывала всю совокупность «нравов», то есть исторического быта людей» [Лифшиц, 1973, с. 12–13]. Так, в частности, идея о том, что эстетическое охватывало «всю совокупность нравов», находит своё подтверждение у Аристотеля, который пишет, что «цель добродетели – прекрасное». Эта область, по его мнению, неотделима «от выдвижения эстетически прекрасных целей, так как неперменное дело добродетели ставить эстетически прекрасные цели» [Аристотель, 1984, с. 316]. Процесс продвижения к такой прекрасной цели – это не только этический, но и эстетический процесс, в ходе которого происходит гармонизация целей, средств их достижения и последствий достижения такими средствами и, как видно на примере Аристотеля, это понимали не только греки-досократики.

Средневековые мыслители, многие из которых формировались под влиянием идей античных философов, также большое внимание уделяли анализу роли прекрасного в окружении (красоте) как центральной категории эстетики, которая вместе с тем приобретает специфичное, свойственное периоду средневекового теологического мировосприятия звучание. В трактате «О божественных именах» Псевдо-Дионисий Ареопагит пишет: «Пресущественно-прекрасное называется красотой потому, что от него сообщается всему существу его отличительная для каждого краса, и оно есть причина слаженности и блеска во всём сущем; наподобие света, источает оно во все предметы свои глубинные лучи, созидающие красоту, и как бы призывает к себе всё сущее, отчего и именуется

красотой и всё во всём собирает в себе» [Бычков, 1985, с. 333–334]. Следуя античной традиции, средневековый мыслитель полагает, что прекрасное интегрирует «всё сущее», приобретая таким образом всеобщий смысл.

Традицию восприятия (и понимания) эстетической насыщенности бытия продолжает и эпоха Ренессанса, во многом, с одной стороны, заимствуя античные нормы и правила, с другой, интерпретируя их в соответствии с наступившей секулярной эпохой. А. Ф. Лосев в связи с этим пишет: «Прежде всего, новизной является в данную эпоху чрезвычайно энергичное выдвигание примата красоты, и притом чувственной красоты. Бог создал мир, но как же этот мир прекрасен... посмотрите, как красиво энергичное мужское тело и как изящны очертания женской фигуры! Ведь всё это есть создание божие. Даже заправские теисты Возрождения... рассуждают о красоте мира и жизни, почти в духе пантеизма, внимательно всматриваясь в красоту природы и человека, в прекрасные детали всего космоса» [Лосев, 1978, с. 53]. Казалось, что эта линия восхождения европейских идеалов и ценностей к воссозданию красоты мира будет бесконечно продолжать свой неуклонный подъём к будущим высотам и их бесконечному воплощению в бессмертных творениях искусства, созданных античным мастером Фидием или титаном Возрождения Леонардо, вызывая восторги у воспринимающих эту красоту. Однако, это только так казалось: «европейская культура могла выполнять лидирующие роли в Европе в определённые периоды своего развития, то есть тогда, когда выражала ценности «всечеловечества»...» [Липский, 2023, с. 6]. За Ренессансом последовало Новое время...

В ходе проведения представленного исследования использовались методы: исторический и логический, аксиологический, чувственного и рационального познания, диалектический и ряд других.

Результаты исследования

Неправильно будет утверждать, что с приходом Нового времени в одночасье оскудела нива европейского искусства – ещё продолжала действовать инерция воспроизведения великими художниками эпохи Возрождения идеалов красоты, но идея рационализма, вызванная к миру новыми социальными устоями, уже стала энергично расчищать для себя место под новый фундамент, над которым вначале постепенно, а

затем всё быстрее стало воздвигаться невиданное здание, которое впоследствии и по содержанию и по форме утратило сходство с грандиозными сооружениями прежних эпох и основанными на них ценностями и идеалами. Величайший философ эпохи Нового времени Г. В. Гегель по этому поводу констатирует: «Мы вышли из того периода, когда можно было обожествлять произведения искусства и поклоняться им, как богам. Впечатление, которое они теперь производят на нас, носит более рассудительный характер... Мысль и рефлексия обогнали художественное творчество» [Гегель, 1968а, с. 16]. А далее философ ещё более конкретен: «Прошли прекрасные дни греческого искусства и золотое время позднего средневековья... наше время по своему общему состоянию неблагоприятно для искусства» [Гегель, 1968б, с. 17].

Весь период Нового времени, скорее всего, следует характеризовать как период формирования и устойчивого проникновения рационалистических идей в различные стороны европейского бытия и активного вытеснения цивилизационными тенденциями традиций «старой» европейской культуры. Объективные достижения европейской науки в лице Ф. Бэкона, выступившего против средневековой схоластики и утверждавшего, что только те знания имеют смысл, которые приносят пользу (эмпиризм), и Р. Декарта, выдвинувшего известный лозунг: «Я мыслю, следовательно, существую», проторили путь методологии европейского рационализма. Своеобразную эстафету в контексте Нового времени продолжил один из основателей социологии О. Конт, выдвинувший очередной рационалистический концепт: «наука сама себе философия», предполагавший отказ от бытийных ценностей, на которых основывалась традиционная философия. «Джин» рационализма, выпущенный из бутылки, в связке с социально-экономическими отношениями в дальнейшем стал формулировать «правила», удобные для цивилизационного образа жизни.

Конец XIX начало XX века знаменует собой утверждение тенденций серьёзного кризиса в европейской социокультурной традиции: «В настоящее время (в первой трети XX века – автор статьи) сознание того, что мы переживаем острый губительный кризис культуры, проникло в самые широкие слои общества. Сигналом тревоги для неисчислимой массы людей во всём мире стал «Закат Европы» Шпенглера...

эта книга открыла... саму идею возможности упадка современной культуры, в поступательное развитие которой они верили всецело и без рассуждений» [Хейзинга, 1992, с. 3].

Особенно ярко эта тенденция начинает проявлять себя после первой мировой войны 1914–1918 гг. Сбившуюся с вектора традиционной культуры ещё в Новое время Европу после первой мировой войны охватывает вселенский пессимизм, следствием которого стали поиски новых форм выражения в искусстве. Наверное, тот ужас и страх, вызванный большими человеческими жертвами и бесчеловечными способами ведения войны, внедрившийся во все стороны европейской жизни, требовал таких форм изображения действительности, которых до этого не было в арсенале искусства. Однако, само появление этих форм свидетельствовало о том, что сменилась прежняя тенденция, которой было свойственно воспроизведение эстетически прекрасного в искусстве, сменилась тенденцией эстетики безобразного и ужасного.

Известный немецкий экспрессионист О. Дикс в 1923–1924 гг. создаёт 50 листов графики «Война», в которых последняя представлена «как ужасающий маразм, как тотальное уничтожение человека, физическое и моральное. В серии нет ни одного нормального, “человеческого” человека» [Куликова, 1978, с. 151]. При этом нельзя не вспомнить того, что «пищу» для графики О. Дикса как раз дала «цивилизованная» Европа: это сделали в частности немецкие войска, которые во время Первой мировой войны в апреле 1915 г. в районе города Ипр (Бельгия) впервые применили химическое оружие, перейдя при этом сущностную «красную линию» в системе общечеловеческих ценностей.

Эта ценностная девальвация носила тотальный характер, проявляя себя не только в жизни, но и получила соответствующее отражение в различных видах искусства. О девальвации человеческих ценностей пишут Ремарк и Хемингуэй, другие авторы, повествующие о судьбах «потерянного поколения» участников первой мировой войны, у которых дух патриотизма сменился экзистенциальными мотивами безысходности: «Первая мировая война, приведшая человечество к гуманитарной катастрофе, явилась катализатором развития таких философских проблем, как временность и конечность существования человека, свобода выбора, поведение в экстремальной ситуации, диалектика

страха и боязни...» [Фролов, 2022, с. 364]. Пессимизм и отчаяние прочно укрепились в душах потомков А. Дюрера и Л. Кранаха, великих итальянцев эпохи Ренессанса.

Цивилизационное пришествие, как отмечалось, стало следствием утверждения конкретных социально-экономических оснований, сопровождавшихся территориальным и рыночным переделом: «Империализм с его колониальной политикой есть современный буржуазный способ универсализации культуры, расширения цивилизации за пределы Европы, за моря и океаны. Современный империализм – явление **чисто европейское** (выделено автором статьи), но он несёт с собой энергию, окончательное раскрытие которой означает конец Европы» [Бердяев, 2005а, с. 174]. Империализм как способ универсализации культуры ведёт к вытеснению её классических ценностей, причём, этот алгоритм был заложен ещё в новоевропейский период, на что в своё время обратил внимание ещё Н. Данилевский, сопоставляя экспансионистское развитие европейской цивилизации с развитием России в фундаментальной работе «Россия и Европа», написанной в 1869 г. [Данилевский, 2003, с. 180–184].

Сформировав в контексте своего европейского саморазвития величайшие культурные ценности, эта же Европа сформировала внутри себя буржуазный способ производства, основанный на сугубо рационалистических принципах, что стало началом конца той Европы, которой восхищались и которой стремились подражать. Гуманизм выродился в антигуманизм, вызвав к жизни всевозможные трагические деформации, не оставив в окружающей действительности «места для существования свободной личности». Одним из ярких примеров подобных деформаций стало появление на закате новоевропейского движения такого трагически противоречивого мыслителя, как Ф. Ницше, которого русский философ культуры В. Межуев парадоксально точно назвал одним «из величайших гуманистов в истории европейской мысли, но только в эпоху, когда гуманизм перестал быть нормой культурной и общественной жизни» [Межуев, 2006, с. 212].

Активный дрейф Европы в цивилизационном направлении своеобразными концентрическими кругами захватывал различные виды искусства. В письме французскому театральному критику Л. Бенару К. Станиславский пишет: «Француз-

ский театр перестал говорить новое слово в искусстве, и за 3 недели моего пребывания у Вас я не видел ничего нового, ничего оригинального...» [Станиславский, 1953а, с. 99]. Русский режиссёр и реформатор театра отмечает, что традиционное умение тонко смешить, свойственное французскому театру, из него куда-то ушло. Спустя тридцать с лишним лет Станиславский снова констатирует: «Я считаю, что европейский театр, несмотря на наличие отдельных крупных актёрских дарований, не идёт вперёд. Взгляд на театр с коммерческой точки зрения, как на приносящее прибыль предприятие, катастрофически сказался на общем положении театров» [Станиславский, 1953б, с. 307]. Однако, с точки зрения влияния на массы, литература, живопись, театр функционировали как узколокальные формы воздействия, они не могли активно универсализировать культуру с целью внедрения в умы и чувства людей необходимой властной элите системы ценностей. Эту функцию взяла на себя массовая культура, сконструированная, с одной стороны, для обслуживания финансовых интересов определённых слоёв, владеющих средствами производства, с другой, для формирования у населения нужных состоятельному классу интересов и ценностей.

Стоит отметить, что конструкторы массовой культуры прекрасно осознавали не только сверхзадачу требуемого им «инструмента», но и то, для кого он будет предназначен. Формировавшийся в условиях буржуазных отношений европейский обыватель в большой мере был вовлечён в стихию мелкобуржуазных отношений и был готов к восприятию разного рода культурных эрзацев: «На Западе господствует и всё более упрочивает своё господство *мелкобуржуазная собственность*; русский народ крепко держится за *общинное землевладение*. Поэтому западные народы насквозь пропитаны *духом мещанства*, а русский народ – едва ли не наиболее *антимещанский народ* в мире» [Плеханов, 1978, с. 524]. Трудно не согласиться с Плехановым, хотя, понятно, не бывает правил без исключений, но тенденция им подмечена верно: западный человек был адаптирован к массовой культуре задолго до её формального появления. К слову, общинность продолжает и ныне оставаться характерной чертой русского народа, сплачивает его сегодня, как и прежде, для решения общих задач.

Этот «дух мешанства», к примеру, в полной мере следует отнести и к такому флагману маскультуры, как Голливуд, который является и символом США и символом мировой массовой культуры: «Появлению феномена массовой культуры к середине XX в. способствовали западная модернизация и формирование общества массового потребления» [Липский, 2021, с. 220], а её важнейшим признаком является аксиологическая выхолощенность массовой культуры. Если формирование классического искусства носило объективный характер, а его ценностно-эстетическое наполнение осуществлялось естественным путём, то массовая культура, безусловно, стала искусственным образованием. Интересный эпизод из жизни первых лет Голливуда вспоминает И. Эренбург, побывавший в США в годы Великой депрессии: один знакомый американский режиссёр, снявший фильм «На Западном фронте без перемен» по Ремарку, составляет Эренбургу протекцию в Голливуде на студию «Коламбия», владелец которой предлагает советскому писателю написать сценарий для фильма, а когда такой сценарий был написан и работодатель его прочитал, он сказал писателю: «Слишком много социального и слишком мало сексуального. Не такое теперь время, чтобы бросать деньги на ветер...» [Эренбург, 1967, с. 7], поэтому сценарий социальной направленности не устроил владельца студии и он отказался его приобрести у Эренбурга.

Нормы и штампы массовой культуры, разработанные, по мнению британской журналистки и историка Ф. С. Сондерс, в недрах одной из американских спецслужб (Сондерс основательно анализирует эту проблему в книге «ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны», изданной в России в 2020 г.), были направлены на формирование примитивных потребностей у американского обывателя и не претендовали на развитие у него чувств добрых и возвышенных. Задача состояла только в том, чтобы зрителю хотелось снова и снова глотать упрощённые «пилюли» массовой культуры: «Что бы не думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодёжи... её притягательность во всём мире неоспорима. Американские телевизионные программы и фильмы занимают три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение...» [Бжезинский, 2008, с. 446]. Американ-

ский идеолог прямо пишет, что массовая культура – это совсем не про эстетику и не про ценности, а про деньги. В адаптированной форме, а нередко и прямо, без адаптации, массовая культура была растиражирована и в европейских странах.

З. Бжезинский написал работу «Великая шахматная доска» в самом начале 60-х годов прошлого века, когда агрессия массовой культуры во все сферы жизни уже набрала ход, однако, задолго до этого Н. Бердяев, опираясь на анализ социально-экономических процессов сделал свой прогноз относительно экспансионистской политики империализма и его негативного воздействия на культуру: «Мы слишком хорошо знаем как великие европейские державы разносят свою культуру по всему земному шару, как грубы и безобразны их прикосновения ... их цивилизование старых культур и дикарей... В прикосновении современной европейской цивилизации... к древним культурам всегда есть что-то кощунственное... А сомнение европейского, буржуазного и научного цивилизаторского сознания – явление столь жалкое..., что оно духовно может рассматриваться лишь как симптом наступающего конца Европы...» [Бердяев, 2005б, с. 175]. То, что американский идеолог Бжезинский лишь констатировал по факту, русский философ Бердяев предвидел задолго до появления самого факта. Духовный кризис, охвативший Европу в период формирования буржуазных общественных отношений, развивался разнонаправлено: с одной стороны, происходила внутриевропейская духовная деградация, с другой, осуществлялось «цивилование» старых культур (Индия, Африка, Латинская Америка), что, по мысли Бердяева, также было свидетельством «конца Европы».

Ещё одним вектором духовного кризиса европейской цивилизации стало прагматичное использование научно-технических достижений в интересах подчинения человека власти техники, а параллельно этому и власти собственника средств производства. Хайдеггер в связи с этим отмечает: «... требуется человечество, которое в самой своей основе соразмерно уникальному существу новоевропейской техники и её метафизической истине, то есть которое даёт существу техники целиком овладеть собою» [Хайдеггер, 1988, с. 285]. Мысль Хайдеггера о технологизации человека означает, что человек как ценностная сущность выводится за скобки,

а «ценностью» в таком случае становится техника и технология, вытесняющие прежние представления о человеке и его взаимоотношениях с техникой. Если в эпоху Просвещения наука воспринималась как сила, которая выведет человечество из невежества, то в XX-м веке наука и техника стали вызывать тяжёлые разочарования (атомная бомба, Чернобыль и пр.).

С самого начала своего возникновения технологии в западном мире стали использоваться в качестве инструмента воздействия на формирование мировоззренческих установок человека, составляя серьёзную оппозицию духовно-нравственным ценностям. В фантастическом романе-антиутопии под названием «Глобальный человек», написанном на закате XX века, А. А. Зиновьев прозорливо отмечает, что «персональный компьютер может стать суррогатом духовной жизни человека...» [Золотова, 2022, с. 37], привести к серьёзным нравственным деформациям личности. Поскольку технологии (компьютерные в частности) развиваются в одном измерении и лишены исторической памяти, то их действие разворачивается в пространстве «здесь и сейчас», принципиально отличном от пространства, в котором развивались и существовали ценности традиционной культуры: «Сущность традиционных установок предполагает их предшествующую проверку временем и признание обществом в качестве констант, обеспечивающих жизнеспособность социального “организма”. Как правило, традиционные ценности восходят к религиозным концепциям, в то время как посттрадиционные развиваются в прагматичном, секулярном, высокотехнологичном социуме» [Калинина, 2023, с. 31]. Высокотехнологичный социум алгоритмичен, а потому рационален, его взаимосвязи основываются на жёсткой логичности, вследствие чего классическая диалектика «настоящее есть результат прошедшего» ему не подходит, а раз так, то долой и прежние духовно-нравственные установки. Таким образом, реализация технологических установок западной модернизации автоматически влечёт и редукцию ценностей прошлой культуры.

Заключение

Представляется, что формирование культуры европейских наций имеет как минимум два больших цикла, первый из которых представляет собой неуклонное восхождение к вершинам искусства и эстетических идей. Поклонение

прекрасному в различных его ипостасях было в целом свойственно европейской культуре вплоть до завершения эпохи Возрождения. Автор не стремится утверждать, что на протяжении около двух десятков веков европейского развития культуры всё выглядело абсолютно безоблачным в эстетико-художественном смысле, однако, фиксируя основную тенденцию, можно предположить, что эпоха Возрождения стала пиком европейской эстетико-художественной эволюции.

В дальнейшем для её развития наступают неблагоприятные времена, что связано, главным образом, с формированием в Европе соответствующих социальных устоев и соответствующих им ценностей. С этого периода в Европе вызревает следующий цикл, который детерминирует примат рациональности и коммерциализации всех сфер бытия человека, следствием чего станет ценностная деградация культуры и искусства. Вместе с тем в период Нового времени в Европе ещё действует инерция возрожденческого влияния и европейская культура ещё способна к воспроизводству «Невтонов» от искусства, хотя её лучшие умы уже осознавали результаты кризиса, охватившего Европу. Так, в частности, поэт Роберт Брук в письме секретарю Черчилля по поводу «Русских сезонов» Дягилева в Англии писал: «Они, как никто иной, способны спасти нашу цивилизацию» [Красавченко, 2019, с. 34]. Они её и спасли в середине XX века, но удержать от центробежных тенденций деградации европейскую культуру могла только сама Европа.

Библиографический список

1. Аристотель. Собрание сочинений. В 4 т. Т. IV. Москва : Мысль, 1984. 830 с.
2. Бердяев Н. Судьба России. Москва : АСТ, 2005а. 333 с.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Геополитика. Антология / сост. Н. Н. Ашенкапф, С. В. Погорельская. Москва : Академический Проект, 2006. 1004 с.
4. Гегель Г-В-Ф Эстетика. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Москва : Искусство, 1968. 311 с.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва : Известия, 2003. 605 с.
6. Золотова А. Д. О кризисе моральных ценностей в эпоху глобализма / А. Д. Золотова, А. А. Зиновьев // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. №4(44). С. 31–37.
7. Идеи эстетического воспитания. Антология. В 2 т. Т. I / сост. В. П. Шестаков ; вст. статья М. Лифшица. Москва : Искусство, 1973. 407 с.

8. История эстетической мысли. В 6 т. Т. I. / ред.-сост. В. В. Бычков. Москва : Искусство, 1985. 464 с.
9. Калинина Е. В. Цифровые технологии как амбивалентный инструмент продвижения и трансформации духовно-нравственных ценностей // Цифровые технологии в системе теоретико-исторических правовых наук : сб. науч. тр. II межд. научно-практ. конф. [22.09.2023 г.]. 335 с. URL: <http://zhurnalsudya.ru/news/tpost/447zu7h9m1-ii-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskay> (дата обращения: 06.06.2024).
10. Красавченко Т. Н. Русские сезоны Дягилева в Великобритании. Парадоксы культурного взаимодействия // Вестник культурологи. 2019. № 1(88). С. 34–57.
11. Куликова И. С. Экспрессионизм в искусстве. Москва : Наука, 1978. 182 с.
12. Липский В. Н. Развитие и трансформации массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5(122). С. 218–225.
13. Липский В. Н. Идеи евразийцев о взаимодействии национальных культур (на материале творчества Н. Трубецкого) // Культура и безопасность. 2023. № 4. С. 5–11.
14. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. Москва : Мысль, 1978. 623 с.
15. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. Москва : Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
16. Плеханов Г. В. Эстетика и социология искусства. В 2 т. Т. 1. Москва : Искусство, 1978. 631 с.
17. Фролов Д. М. Экзистенциальная проблематика в антивоенном творчестве Э. М. Ремарка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 2. С. 363–367.
18. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. Москва : Прогресс. Академия, 1992. 464 с.
19. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. Москва : Прогресс, 1988. 552 с.
20. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 9. Москва : Госиздат «Художественная литература», 1967. 800 с.
5. Danilevskij N. Ja. Rossiya i Evropa = Russia and Europe. Moskva : Izvestija, 2003. 605 s.
6. Zolotova A. D. O krizise moral'nyh cennostej v jepohu globalizma = On the crisis of moral values in the era of globalism / A. D. Zolotova, A. A. Zinov'ev // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2022. №4(44). S. 31–37.
7. Idei jesteticheskogo vospitanija. Antologija = Aesthetic education ideas. Anthology. V 2 t. T. I / sost. V. P. Shestakov ; vst. stat'ja M. Lifshica. Moskva : Iskusstvo, 1973. 407 s.
8. Istorija jesteticheskoy mysli = History of aesthetic thought. V 6 t. T. I. / red.-sost. V. V. Bychkov. Moskva : Iskusstvo, 1985. 464 s.
9. Kalinina E. V. Cifrovye tehnologii kak ambivalentnyj instrument prodvizhenija i transformacii duhovno-nravstvennyh cennostej = Digital technologies as an ambivalent tool for promoting and transforming spiritual and moral values // Cifrovye tehnologii v sisteme teoretiko-istoricheskij pravovyh nauk : sb. nauch. tr. II mezhd. nauchno-prakt. konf. [22.09.2023 g.]. 335 s. URL: <http://zhurnalsudya.ru/news/tpost/447zu7h9m1-ii-mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskay> (data obrashhenija: 06.06.2024).
10. Krasavchenko T. N. Russkie sezony Djagileva v Velikobritanii. Paradoksy kul'turnogo vzaimodejstvija = Diaghilev's Russian seasons in the UK. Paradoxes of cultural interaction // Vestnik kul'turologi. 2019. № 1(88). S. 34–57.
11. Kulikova I. S. Jekspressionizm v iskusstve = Expressionism in art. Moskva : Nauka, 1978. 182 s.
12. Lipskij V. N. Razvitie i transformacii massovoj kul'tury = Development and transformation of mass culture // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021. № 5(122). S. 218–225.
13. Lipskij V. N. Idei evrazijcev o vzaimodejstvii nacional'nyh kul'tur (na materiale tvorcestva N. Trubeckogo) = Ideas of Eurasians about the interaction of national cultures (based on the work of N. Trubetskoy) // Kul'tura i bezopasnost'. 2023. № 4. S. 5–11.
14. Losev A. F. Jestetika Vozrozhdenija = Renaissance aesthetics. Moskva : Mysl', 1978. 623 s.
15. Mezhuev V. M. Ideja kul'tury. Oчерki po filosofii kul'tury = The idea of culture. Essays on cultural philosophy. Moskva : Progress-Tradicija, 2006. 408 s.
16. Plehanov G. V. Jestetika i sociologija iskusstva = Aesthetics and sociology of art. V 2 t. T. 1. Moskva : Iskusstvo, 1978. 631 s.
17. Frolov D. M. Jekzistencial'naja problematika v antivoennom tvorcestve Je. M. Remarka = Existential problems in the anti-war work of E. M. Remarque // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15, № 2. S. 363–367.

Reference list

1. Aristotel'. Sobraie sochinenij = Collected works. V 4 t. T. IV. Moskva : Mysl', 1984. 830 s.
2. Berdjaev N. Sud'ba Rossii = The fate of Russia. Moskva : AST, 2005a. 333 s.
3. Bzhezinskij Z. Velikaja shahmatnaja doska. Geopolitika. Antologija = Great Chessboard. Geopolitics. Anthology / sost. N. N. Ashenkopf, S. V. Pogorel'skaja. Moskva : Akademicheskij Proekt, 2006. 1004 s.
4. Gegel' G-V-F Jestetika. Sobraie sochinenij = Aesthetics. Collected Works. V 4 t. T. 1. Moskva : Iskusstvo, 1968. 311 s.

18. Hejzinga J. V teni zavtrashnego dnja = In the shadow of tomorrow. Moskva : Progress. Akademija, 1992. 464 s.

19. Hajdegger M. Evropejskij nigilizm = European nihilism // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. Moskva : Progress, 1988. 552 s.

20. Jerenburg I. Ljudi, gody, zhizn'. Sobranie sochinenij = People, years, life. Collected works. V 9 t. T. 9. Moskva : Gosizdat «Hudozhestvennaja literatura», 1967. 800 s.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted 26.04.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 20.06.2024.